

**Военные
Приключения**

ОПЕРАЦИЯ "ЮРОДИВЫЙ"

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Военные приключения

Сергей Бортников

Операция «Юродивый»

«ВЕЧЕ»

2012

Бортников С. И.

Операция «Юродивый» / С. И. Бортников — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Странный ребенок Ванечка Парфёнов. В основном молчит, но если уж выскажет что-нибудь, то такое!.. И самое удивительное – его предсказания сбываются. Стоит ли удивляться, что маленьким феноменом заинтересовалась «Аненербе» – организация, работу которой курировал сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер? Вот и пришлось лейтенанту НКВД Павлу Вялову вступить с немецкими «учеными» в схватку – долгую и смертельно опасную.

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Бортников

Операция «Юродивый»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1

Годы предвоенные

14 сентября 1935 года Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о строительстве двух новых ГЭС – Рыбинской и Угличской. Специально для выполнения этой задачи в системе НКВД создали так называемый Волголаг, где отбывали наказание люди, осужденные в основном по политическим статьям. Именно им предстояло возвести на величайшей русской реке комплекс гигантских гидротехнических сооружений, в результате деятельности которых на карте СССР должно было появиться самое крупное в мире рукотворное море. Для этого планировалось пустить под воду старинный город Мологу, фабричный поселок Абакумово, свыше восьмисот сел, тысячи и тысячи гектар плодородной поволжской земли.

Руководить Волгостроем назначили майора госбезопасности Владимира Дмитриевича Журина, который сам в 1930 году получил десятилетний срок, участвовал в строительстве Беломорканала, но вскоре был досрочно освобожден.

В заместители ему отрядили еще одного старого чекиста – Якова Давыдовича Рапопорта. И пошло-поехало!

По странному стечению обстоятельств, в тот день, когда в Москве принимали историческое решение, в некогда уездном городе Весьегонске, три четверти которого тоже попадало под затопление, явился на свет странный мальчик. Нет, поначалу ничего особенного в его поведении ни медики, ни родители не замечали. Пацан как пацан. Здоровый. Крепенький – недаром 3 кг 500 г родился. Правда, со временем выяснилось, что дитя – не слишком разговорчиво и малоподвижно, но это ничего – бывает!

Настоящие чудеса начали происходить после того, как Ваня сказал первое слово. В тот день в дом его родителей нагрянули взрослые дяди в форме и спешно объявили: «Вы подлежите переселению!»

Заплакала бабушка, схватился за сердце дед, с первых дней жизни внука установивший с ним какой-то особенный, совершенно неземной контакт.

А годовалый Ваня, доселе не знавший даже слова «мама», вдруг приподнялся в самодельной деревянной кровати и четко произнес: «Не поеду!»

Лейтенант госбезопасности Павел Вялов, руководивший местным отделением НКВД, испугавшись до глубины души, сразу выбежал на улицу и начал незаметно креститься. Так, на всякий случай, ибо в Бога он не верил. Причем совершенно искренне. Не по принуждению руководства, как другие товарищи.

В тот же вечер в Инстанцию¹ полетело донесение о странном младенце, открыто выражающем своё несогласие с политикой партии и правительства. Высокое начальство лейтенанту не поверило, но все же посоветовало взять Ваню под неустанное наблюдение. Кабы чего не вышло!..

* * *

Вскоре Вялов заработал повышение и перебрался в новоявленный областной центр Калинин² – так с 1931 года стала называться его родная Тверь.

¹ На профессиональном сленге чекистов – высшее руководство страны.

² Калининская область была образована Постановлением ВЦИК от 29 января 1935 года. В ее состав вошли 47 районов из Московской, Западной и Ленинградской областей РСФСР.

Но о Ванечке не забыл. Регулярно получал информацию о всех его проделках из уст младшего лейтенанта Сокола, которого сам рекомендовал начальству на своё место в Весьегонске.

Последний раз они виделись позавчера, когда Степан приезжал на очередное совещание, посвященное усилению борьбы с врагами народа. В Калинин их тоже нашлось немало: только в текущем году расстреляли 307 душ. А до 1 января ещё два месяца!

...Выглядел Сокол неважно. Был бледен. Устал. Растерян. На вопрос «Что случилось?» ответил: «Вчера заходил к Ванечке. Спросил, что будет со мной?» «Ты сойдешь с ума. Скоро!» – ответил тот.

Одолеваемый тяжелыми предчувствиями Вялов медленно шагал по длинному слабоосвещённому коридору, направляясь в кабинет нового начальника областного управления НКВД Александра Викторовича Гуминского, недавно назначенного вместо Вячеслава Ромуальдовича Домбровского, тоже оказавшегося «врагом народа», и терялся в догадках, за что ему – рядовому сотруднику госбезопасности – такая милость.

– Разрешите?

– Да, конечно, входи Павел Агафонович.

– Вызывали?

– Вызывал, Паша, вызывал... Хочу поздравить тебя с наступающим праздником – 20-й годовщиной Великого Октября...

– Спасибо! Взаимно.

– И поговорить, так сказать, откровенно, по душам... Ты ведь парень местный, а я всю жизнь в Смоленске, – вашей специфики не понимаю.

– Какая тут специфика, Александр Викторович? Что у вас, то и у нас... Хрен редьки не слаще...

– Скажи мне, лейтенант, ты сам веришь в эту бесовщину? – Гуминский неожиданно перевел разговор в иную, чуть ли не запретную, плоскость.

– Какую?

– Имею в виду Ванечку Парфёнова.

– Не знаю такого!

– А как же твой рапорт насчет пацанёнка, отказавшегося покинуть затопляемую территорию?

– Ах, вот вы о чём...

– Вспомнил?

– Так точно! Это случилось в октябре прошлого года. Именно тогда к нам в отделение из райкома поступили списки тех, кого в первую очередь надлежало уведомить о грядущем выселении. Выполняя задание, я наведалься, в том числе и к неким Парфёновым. Согласно документам, в доме были прописаны пять человек: Глеб Васильевич, тысяча восемьсот девяностого года...

– У тебя хорошая память!

– Не жалуюсь, Александр Викторович.

– Продолжай!

– ...Его супруга Евдокия Арсеньевна – она на год младше, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, – подтвердил начальник, предварительно заглянув в какие-то бумаги, беспорядочно разбросанные на столе.

– Их сын Николай с женой Прасковьей. Ну и внук – Ванечка. Родители мальчика в то время были на работе... Мы вошли, зачитали постановление: «Покинуть дом в такие-то сроки», а малец вдруг возьми и ляпни: «Не поеду!» Четко так, уверенно, словно взрослый... После я установил, что до этого момента Ванечка вообще никак не разговаривал, некоторые даже считали его немым от рождения... – Вялов вдруг вспомнил свою реакцию на выходку

младенца и покрылся липким потом: а вдруг кто-то видел, как он крестился, и донес руководству? Что делать тогда: сейчас же признаваться в своей минутной слабости или всё отрицать? – Разрешите закурить?..

– Да-да, угощайся! – Гуминский пододвинул к нему только что распечатанную пачку «Беломорканала» знаменитой ленинградской фабрики имени Урицкого, из которой никогда ранее не кутивший лейтенант вытащил одну папироску и, не медля, прикурил. После чего закашлялся, быстро погасил окурочок и мысленно поклялся больше никогда не прикасаться к этой гадости.

– А ты знаешь, что мой предшественник тоже побывал в гостях у Ванечки? Как раз в канун своего ареста?

– Вячеслав Ромуальдович?

– Да-да. Домбровский.

– И что?

– Как только он вошел, мальчишка, который раньше мог передвигаться только держась за стену, вдруг отказался от надёжной опоры и, сделав самостоятельно несколько уверенных шагов, пару раз громко повторил: «Ты – враг народа! Ты – враг народа!» А через день Домбровского арестовали. С формулировкой «за участие в шпионско-диверсионной террористической организации»...

– Знаю. Его расстреляли накануне вашего назначения.

– Ради бога, не проводи между нами параллелей. А то ещё накаркаешь!

– Чего не проводить? – прикинулся не шибко грамотным Вялов.

Придерживаться именно такой линии в поведении с руководством советовал ему верный наставник – капитан Шульгин, которого за давние грехи прошлой весной перевели за полярный круг.

Подобная тактика не раз спасала от неприятностей – что возьмешь с дурака?

Вот и новый начальник, имевший за плечами аж три класса гимназии, не стал объяснять лейтенанту ничего. Да и как можно объяснить несведущему человеку суть сложных геометрических понятий, если он и в арифметике не дюж?

Александр Викторович поднялся с места и закурил, хоть и не грешил табачком уже более двух суток. Хотел бросить в очередной раз – не вышло! Еще несколько месяцев назад, в родном Смоленске, он баловался совсем другими папиросами, воспетыми великим пролетарским поэтом. «Все курильщики всегда и везде отдают предпочтение “Красной звезде”»... Жаль, здесь, в Твери, тьфу ты, в Калинин, трудно найти им достойную замену. Вот... Еле достал через спецраспределитель проклятый «Беломор», от которого першит и дерет в горле... Хоть бери и переходи на махорку, будто он не начальник, а хрен собачий! Нет, все равно, хочешь не хочешь, а бросить придется!

Гуминский погасил папироску и уставился в синие Пашкины глаза:

– Больше ничего добавить не хочешь?

– Никак нет!

– Скажи, младший лейтенант Сокол – твой протеже?

– Как, как вы сказали?

– Протеже!

– Я, между прочим, пролетарского происхождения, детство провёл в интернате и в буржуазных терминах ни черта не смыслю...

– Да не горячись ты так, Павел Агафонович! Я не хотел тебя обидеть. Этого Сокола в Весьегонске кто поставил?

– Я. По согласованию с высшим руководством!

В управлении давно ходили слухи, что какой-то родственник лейтенанта (то ли старший брат, то ли дядя) – чуть ли не правая рука самого товарища Ежова (вот, мол, почему карьера

Вялова так резко пошла в гору именно с осени прошлого года, когда Николая Ивановича назначили наркомом внутренних дел!). Сам Павел время от времени любил намекнуть на наличие высокого покровителя в Москве, но вслух его фамилию никогда не произносил.

– А тебе известно, что Степан сошел с ума? – наседал Гуминский.

– Нет... – растерянно выдал лейтенант. – Когда?

– Вчера его поместили в областную психиатрическую больницу.

– С чего бы это?..

– А то ты не знаешь?

– Нет...

– После того как тебя перевели в область, Сокол стал чуть ли не ежедневно гостить у Парфёновых. Все, о чем говорил Ванечка, старательно заносил в свой блокнот, а позже на основании этих записей составлял рапорты для Домбровского. Вот, смотри, что я обнаружил у него в сейфе, – Александр Викторович потянул на себя выдвижной ящик стола и вытряхнул его содержимое на полированную поверхность.

Вялов по дате выбрал из вороха донесений самое свежее и начал читать вслух:

– Соседи называют Ивана юродивым... Говорит он редко, но метко. Ни с того ни с сего вдруг может ошарашить любого незнакомого человека известием: «Ты болен» или «Скоро умрешь». Причем все его предсказания имеют свойство сбываться...

– Ладно... Отставить... Можешь забрать бумаги себе.

– Если позволите.

– Позволю. Скажи честно, Павел Агафонович, ты и вправду не знаешь, отчего Степан тронулся рассудком?

– Нет, – скорчил идиотскую рожу лейтенант. – Не знаю! Разрешите идти?

– Иди! – Гуминский устало отмахнулся от «тупицы» и прикурил новую папиросу.

А Вялов после разговора с начальником ушёл домой, заперся ипил, пил, пил...

* * *

Под подушкой зазвенел будильник – подарок сестры ко дню рождения. На прошлой неделе Пашке исполнилось двадцать семь. Черт, позади уже свыше четверти века! А за душой по-прежнему – ни кола ни двора... И даже семьи пока нет. Родители давно умерли, а всем сердцем любимая Катюша, еще совсем недавно обычная девчонка с соседнего двора, а теперь – преподаватель военно-химического училища³, почему-то тянет со свадьбой. Что только он не вытворял? Цветы дарил, на экскурсии возил, даже с руководством знакомил...

Первый начальник НКВД по Калининской области Яков Абрамович Дейч, возглавивший управление за год до Домбровского, сам проявил инициативу. Мол, представь мне свою избранницу. Вялов не отпирался.

Они встретились «случайно» в центральном городском парке и долго судачили про житье-бытье. А потом Абрамыч попросил оставить его с Катей наедине.

О содержании той интимной беседы Пашка узнал только тогда, когда хитреца Дейча уже перевели в Ростов-на-Дону. Оказалось, его интересовали студенты из Германии, которым Екатерина Андреевна читала лекции по русской литературе! С одним из них – неким Отто Клейстом – она даже помогла устроить начальнику встречу...

Когда любимая открылась, Павел немедленно отправил рапорт кому надобно. Мамкиному родному брату. И с недавних пор – одному из заместителей всемогущего наркома. Пройдет совсем немного времени – и Дейча арестуют, несмотря на членство в партии с 1917 года

³ Еще в 1932 году в Калининне начала работать военно-химическая школа, которую 16 марта 1937 года преобразовали в военное училище химической защиты РККА.

и многолетний опыт работы в ВЧК, ОГПУ-НКВД. До суда он не доживёт – умрет во время следствия. Правда, Вялов об этом никогда не узнает...

* * *

Голова гудела немилосердно. Эх, пивка бы! Но в рабочее время Пашка – ни-ни... Сейчас с этим строго. Гуминский сам не пьёт и другим не позволяет...

Сегодня последний рабочий день перед великим всенародным праздником, к тому же совпавшим с воскресеньем. Не гулькин хрен – 20 лет советской власти, которую он поклялся защищать до последней капли крови! А раз так – с отдыхом придется повременить. Для кого – выходной, а для кого – самый что ни есть обычный рабочий день. Вон сколько врагов народа развелось по всей округе: шпионы, диверсанты, террористы...

А тут еще Ванечка со своими предсказаниями...

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

– Ты кто?

– Кандидат на звание Горшков! – бодро отрапортовал бледнолицый юноша, подждавший его у двери персонального кабинета.

– А... Боря! Прости, не узнал сразу... Как твоя учеба?

– Отлично! Вот... Прибыл к вам на стажу... стажу...

– Стажировку?

– Так точно!

– Это дело надобно отметить. Да и праздник, как-никак, на носу...

– Я могу сбегать!

– Не сейчас. После работы. Не знаешь, шеф у себя?

– Никак нет! Уехал в Весьегонск.

– Откуда такая уверенность? Он что, докладывает тебе про все свои передвижения?

– Никак нет. Просто я оттуда родом, как и шофёр управления – дядя Вася.

– А...

– Вот он и шепнул мне на ухо, мол, не хочешь ли чего передать отцу-матери?

– Понял. Ну, коль так, – беги за пивом, все равно сегодня – короткий день.

– Есть, товарищ лейтенант!

* * *

Весь Егонская... Ещё недавно – село, деревня. А теперь если не город, то большой рабочий посёлок – точно. Как-никак – пять тысяч населения. К тому же люди все прибывают и прибывают по недавно протянутой железнодорожной ветке...

Хотя, какие это люди – так, быдло, недаром их везут в вагонах для скота!..

Автомобиль начальника Управления НКВД по Калининской области обогнал очередную колонну узников и свернул на просёлочную дорогу.

– Здесь! – сообщил дядя Вася, неизвестно почему переходя на шепот.

– Ты тоже выходи! – приказал Александр Викторович, но водитель неожиданно заупрявился:

– Я останусь, двигатель шалит, посмотреть надо.

– Ну, как хочешь.

Гуминский поправил портупею и торопливо направился к плотно запертой входной двери – ночью случился первый заморозок.

Постучал.

В ответ не донеслось ни звука.

– Эй, есть тут кто?

В это время сзади него, словно из-под земли, вырос крепкий старик с вязанкой дров в дюжих руках.

– Вам кого? – спросил, лукаво шуря и без того узкие азиатские глаза.

– Хозяина.

– Я он и есть.

– Начальник НКВД Гуминский, – козырнул высокий гость. – Для тебя просто – Александр Викторович.

– Парфёнов. Глеб Васильевич, – чинно представился старик. – Чем, так сказать, могу быть полезен?

– Внука твоего допросить желаю...

– Эх, мил человечек, Ванечка на вопросы не отвечает. И вообще, сам выбирает, кому и что сказать...

– Да ну?

– Точно... Бывает – молчит неделями, слова из него не вытянешь, а бывает – выглянет в окно и бросит между прочим: «Вон – еще один покойник пошёл». Причем – серьёзно, не по-детски, грубым мужским голосом. Ну что – хочешь испытать судьбу?

– Ты меня не пужай! Где это слыхано, чтобы двухлетний ребенок по-взрослому изъяснялся?

– Ладно... Как желаете-с, – по-старомодному пробурчал Парфёнов и толкнул дверь в избу.

Ванечка игрался возле печи, совершенно не обращая внимания на вошедших.

– Кхы-кхы, – кашлянул Гуминский.

Мальчик не обернулся.

– Здравствуй, Ваня!

– Вы его не тормозите, товарищ начальник... Захочет – сам говорить начнет!

– Да что ты мне всё время указываешь? Я в эту бесовщину ни за что не поверю. Пока лично не убежусь... убежусь... убедюсь... не увижу, одним словом...

– Тогда приготовьтесь ждать.

– Долго?

– Может, неделю, а может, две.

– Что ты несешь? Какую, мля, неделю? Я тебя на месте пристрелю, если он сейчас же рот не раскроет! Ну давай, Юродивый, говори, что тебе известно о моей судьбе? Что?!

Ванечка не ответил ничего.

Только взял в руки палку, стоявшую у печи, и направил её на раскричавшегося начальника.

– Пиф-паф! – он громко рассмеялся и стал носиться вокруг деда. Тот хотел приструнить внука, да не тут-то было – мальчик словно взбесился.

– Всё, пора прекращать этот цирк! – заорал Александр Викторович и потянулся в кобуру за пистолетом. – Сейчас я шлёпну и тебя, и твоего выродка!

В тот же миг Иван перестал водить свой дурацкий хоровод. Сел на пол, выкатил глаза и зычным басом твердо произнес:

– Не шлепнешь! Я умру в один день с товарищем Сталиным!

Гуминский, как это услышал, опустил на четвереньки и по-собачьи ринулся из избы вон.

* * *

Александра Викторовича арестовали 18 апреля 1938 года. И почти сразу же поставили к стенке. Поговаривали, что перед смертью он вел себя неадекватно: превозмогая боль, наводил на палачей указательный палец правой руки и, целясь, выкрикивал: «Пиф-паф!». При этом дико хохотал. До слёз...

О том, что ему напроорочил Ванечка, так никто бы и не узнал, если б не дядя Вася.

После ареста бывшего начальника болтливый водитель уже не мог больше держать язык за зубами и теперь, подогреваемый просьбами сотрудников, был вынужден чуть ли ежедневно во всех красках живописать визит Александра Викторовича к Юродивому. Особенно удавался ему последний эпизод, когда обезумевший Гуминский, словно нашкодившая собачонка, с обнаженным именовым маузером в руке, выползал из крестьянской избы, бормоча: «Вы только подумайте, он умрет в один день с товарищем Сталиным!..»

Естественно, рассказ об этом отправился проторенной стезёй в столицу. Вялов постарался.

* * *

Еще в конце 1937 года в Калинин после недолгого обучения в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б) прибыл на работу некий Андрей Николаевич Никонов.

Уже тогда все сотрудники знали, чувствовали, догадывались: именно он в скором будущем возглавит их управление.

Так и случилось. 1 апреля, еще до ареста Александра Викторовича Гуминского.

В отличие от всех своих предшественников, товарищ Никонов был правильного – крестьянского – происхождения и не мог похвастаться надлежащим образованием – всего два класса рабочего училища.

Но это не мешало ему успешно вести непримиримую борьбу с многочисленными врагами молодой советской власти.

К тому времени Вялов уже находился в управлении на особом положении. Сам товарищ Ежов по телефону велел ему лично опекать, лелеять и беречь товарища Ванечку – вот и весь круг обязанностей, отвечать за который Павел должен головой. О существовании необычного ребенка доложили Сталину. Узнав, что Юродивому суждено умереть в один день с ним, вождь, на всякий случай, приказал доставить мальчишку в Москву. Секретную миссию возложили, естественно, на лейтенанта Вялова. Пришлось оформлять «отпуск» – для сохранения секретности.

* * *

Когда Павел, гонимый холодным северным ветром, шёл в штатском по пустынной улице (всех, кроме Парфёновых, с которыми никто не хотел связываться, уже переселили), то постоянно ощущал на спине чей-то пронизывающий взгляд. Несколько раз, опускаясь на одну ногу, делал вид, что завязывает шнурки, и рыскал глазами по округе, но нигде не было ни души.

...Несмотря на то что виделись они всего лишь второй раз в жизни, и первый мальчишка вряд ли мог помнить, он улыбнулся Вялову, словно старому знакомому.

– Без деда не поеду! – сказал в рифму тонким детским голоском, хотя лейтенант еще ничего ему не предлагал.

– Хорошо. Собирайтесь оба, – миролюбиво согласился Вялов, в очередной раз пораженный способностями Юродивого.

Глеб Васильевич написал записку детям, работавшим на лесозаготовках: «Не волнуйтесь. Мы в порядке. Подробности – письмом», и стал проситься на кладбище – проведать супругу, почившую еще зимой.

Павел не возражал.

После чего они с Ванечкой остались в доме одни.

Пока старик отсутствовал, мальчик молчал.

И только когда тот вернулся, бросился ему на шею и радостно воскликнул:

– Не волнуйся, деда! Все будет хорошо!

– Спасибо, родной, утешил! – оскалился в улыбке Глеб Васильевич.

«Стоп! В прошлый раз у него не хватало несколько зубов. А теперь все! Да и сам старик как-то распрямился, слегка поправился... И мальчишка что-то не похож на Юродивого. Спокойный. Тихий. Рассуждает здраво. Может, не все еще потеряно? И у нас есть возможность навсегда изгнать бесов из хрупкого детского тела? Только как? Лекари уже осматривали мальчишку – никакой патологии не обнаружили.

Пригласить попов? Чтобы помолились, помахали своими засаленными кадилами, окропили помещение святой водой? Нет, нельзя. Коллеги не поймут... Начнут подтрунивать, смеяться... Шут с ним. Отвезу Ванечку в Москву, сдам под расписку – дальше пусть разбираются с ним сами!»

* * *

Возле вокзала Вялов опять ощутил пронзительную тяжесть в спине. Резко повернулся. Никого! Но ощущение опасности не пропадало. Значит, работают настоящие профессионалы! Свои? Чужие?

Вот времечко настало! Дрожишь под каждым взглядом, шарахаешься от каждого шороха!

...Билеты были приобретены заранее.

Пропустив вперед Парфёновых, Павел стал одной ногой на подножку вагона и снова огляделся по сторонам. Но разве определишь так сходу в толпе одно лицо, одну вражескую морду, от которой может исходить опасность?

Путники заняли свои места.

Через пять минут поезд тронулся.

Только тогда лейтенант позволил себе расслабиться и вскоре задремал.

* * *

На одной из станций пришлось задержаться. Железнодорожникам почему-то не понравилось сцепление локомотива с вагонным составом, и они долго колдовали над буферным железом.

Дед с внуком развернули наспех собранный «тормозок» и дружно налегли на жареную рыбку.

Только тогда Вялов ощутил, что жутко проголодался.

За окном на перроне виднелись продуктовые ларьки. Возле одного из них немолодая, но шустрая женщина в белоснежном переднике бойко торговала пирожками, от которых исходил дурманящий пар. При виде этой картины у Павла потекли слюни.

– Я скоро! – пообещал он и рванулся к выходу.

Протянул тетке кулак с зажатой в нем мелочью, торопливо бросил: «На все!» и, подчиняясь какому-то неведомому шестому чувству, которое его никогда еще не подводило, повернул голову назад. Прямо перед ним в окне поезда на мгновение появилось обезображенное ужасом лицо Глеба Парфёнова. И сразу исчезло.

Медь посыпалась наземь.

Вялов развернулся и побежал назад.

– А пирожки? – летело ему вслед.

* * *

В тамбуре Пашка столкнулся с каким-то типом, лицо которого сразу показалось подозрительным. Ни слова не говоря, лейтенант на всякий случай надолго вырубил его одним ударом под дых и бросился к распахнутой двери, выводящей на противоположную сторону железнодорожного полотна.

Метрах в пятидесяти от него прочь от поезда убежал худой высокий мужик, в руках которого брыкался ребенок. Ванечка!!!

Вялов бросился вдогонку.

Когда расстояние между ними сократилось до двух-трех метров, незнакомец, почуяв неладное, обернулся, аккуратно поставил дитя наземь и быстро исчез за товарным составом, застывшим на втором пути.

– Ваня! Ванечка! Родной! Что они сделали тебе? – чуть не плакал лейтенант, осыпая поцелуями драгоценную детскую головку.

Мальчик молчал. От испуга у него пропал дар речи.

* * *

После того как Вялов предъявил своё удостоверение начальнику железнодорожной станции Мамедову, отправление поезда отложили на несколько часов.

За это время Глебу Васильевичу оказали первую медицинскую помощь. Оказалось, его пырнул ножом молодой человек, которого Пашка уложил в тамбуре. Злоумышленника быстро привели в чувство и уже допросили с пристрастием в отделе вновь созданной железнодорожной милиции НКВД. Как выяснилось, ранее он неоднократно «привлекался» по чисто уголовным статьям.

Похитить мальчика согласился за деньги. На дело взял своего «кореша» – Гришку Чалого по кличке Чахлик. Тоже рецидивиста. Его сразу объявили в розыск.

Имя заказчика преступления бандитам было не известно.

Аванс им выдал незнакомый высокий человек со светлыми курчавыми волосами, говоривший по-русски с едва заметным акцентом: то ли латыш, то ли эстонец – старый урка Чалый много лет тому назад промышлял в Прибалтике и был немного знаком с особенностями тамошнего произношения...

Как поступать дальше Вялов пока не знал.

Информировать об инциденте руководство Калининского управления госбезопасности нельзя, дело-то секретное, о нем и в центральном аппарате знают далеко не все.

Поручить расследование милиции – тоже не выйдет, эти орелики могут наломать дров... К тому же здесь пахнет вмешательством иностранных подданных, а это, как ни крути, подследственность его конторы.

«Приеду, доложу дядьке, он эту кашу заварил – пусть сам её и расхлёбывает!»

* * *

Рана оказалась не очень глубокой, внутренние органы лезвие ножа не задело, и Глеб Васильевич вскоре смог продолжить путешествие.

Дальше обошлось без приключений.

Уставшие Парфёновы всё время дремали, а голодный Вялов, которому, правда, совершенно расхотелось есть, сидел у окна и анализировал события текущего дня.

«Итак, за мной следят. Хотят похитить Ванечку. Кто? Зачем? Агенты империализма, чтобы насолить товарищу Сталину? Мол, теперь ты у нас в руках. Трепещи и бойся, не то скрутим голову мальцу – сдохнешь в тот же день...

Тогда откуда им стало известно о предсказаниях Юродивого? Пресса о них не распространялась, народная молва до границы обычно не доходит... Значит, опять шпионы, враги народа? Недаром Дейч искал контакта с немцами! Впрочем – нет, Якова Абрамовича перевели в Ростов задолго до моего знакомства с Ванечкой и, стало быть, до первого рапорта о его странном поведении...

Домбровский? Он старательно собирал все сведения о Юродивом и не давал хода донесениям Сокола. Хоть был обязан переправлять их в Москву...

Или Гуминский? Именно Александру Викторовичу Ванечка сообщил, что умрет в один день с товарищем Сталиным. Любой на его месте тут же состряпал бы депешу высшему руководству – как-никак речь идет о жизни вождя! А Гуминский этого не сделал. В противном случае дядя сразу же сообщил бы о его рапорте мне – агенту, наделенному особыми полномочиями по отношению к «пророку»...

А может, это обычная проверка? Так сказать, тест на профпригодность? «Проспал» бы похитителей, не уберег Юродивого – и пошёл бы под расстрельную статью!

Коль так, то кто её затеял?

Ежов? Дядя? Никонов?

Ни хрена не понимаю!

Нарком – слишком высоко, что для него какой-то лейтенант госбезопасности! Плюнул и растоптал безо всякого разбирательства...

Дяде такие «проделки» тоже ни к чему, мы с сестрой у него – единственные родные люди на всём белом свете.

Если же это «шалости» Андрея Николаевича, значит, он в курсе всех задумок столичных небожителей. И знает о моей роли в деле Ванечки. А такого просто не может быть! Двое – слишком много, когда речь идет о сохранении важнейшей государственной тайны».

* * *

В Москве обоих Парфёновых сразу же определили в больницу. На несколько дней. Поправить пошатнувшееся здоровье.

А Вялова пригласил в свой кабинет сам Ежов, чтобы лично засвидетельствовать свою благодарность, как предупредил всё знающий дядя...

«Вот и кончилась моя песня, – думал Павел, направляясь в кабинет всесильного наркома. – Теперь, как остальные сотрудники политического отдела, – в самую гущу борьбы с агентами империализма... И никаких поблажек!»

Но Николай Иванович неожиданно продлил его особые полномочия.

– Думаете, всё, игра закончилась, товарищ старший лейтенант?

– Лейтенант, товарищ народный комиссар!

- Наркомы не ошибаются. Вам досрочно присвоено очередное воинское звание. Поздравляю!
- Служу Советскому Союзу!
- Но об этом никто не должен знать. Пока. Ни начальство, ни коллеги. Ясно?
- Так точно, товарищ народный комиссар!
- По дороге Ванечку пытались похитить... Значит, врагам стало известно о его выдающихся способностях?
- Так точно!
- Стало быть, они предпримут ещё не одну попытку заполучить Юродивого?
- Если только установят его местонахождение.
- Ну-да, ну-да... В Москве им пророка не достать. А может, вернуть Ванечку в родные места? Как вы на это смотрите?
- Я не стал бы рисковать его жизнью. Может, устами младенца глаголет истина?
- Может. Поэтому мы дадим вам другого мальчика. И другого деда. Из числа бывших сотрудников нашей организации. Кто сможет обнаружить подмену?
- Думаю – никто...
- Соседи? Родственники?
- Они переселились. В Карелию... Как вы, должно быть, знаете, у нас полным ходом идет наполнение чаши Рыбинского водохранилища.
- Вот и славно. Родителей Ванечки отправим за ними следом.
- Согласен.
- Кто ещё общался с Юродивым? Из наших?
- Только руководство управления. Домбровский, Гуминский.
- Они уже расстреляны, не так ли?
- Так точно!
- А новый начальник, Андрей Николаевич? Он не интересовался судьбой провидца?
- Никак нет! Не успел.
- Мы сегодня же уведомим Никонова, что тебе поручено секретное задание партии и правительства, для выполнения которого ты волен предпринимать любые, самые невероятные шаги.
- Есть! Разрешите выполнять?
- Да погоди ты... Ишь, какой горячий! По управлению следует распустить слух, что мальчика возили на обследование в Москву, однако ничего необычного в его развитии врачи не обнаружили. Понял?
- Так точно!
- Но, вернувшись в Вёсегонск, он будет по-прежнему выдавать какие-то предсказания о судьбе нашей великой Родины – их вы будете придумывать сами...
- Есть!
- Больше никого к «пророку» не подпускайте. А там – посмотрим...

* * *

В начале 1938 года земляку Вялова – уроженцу Твери капитану государственной безопасности Игорю Семеновичу Савченко исполнилось 60 лет. Прекрасный возраст для того, чтобы начать новую жизнь! Тем более что в 1929 году в СССР додумались ввести пенсионное обеспечение по старости.

И ветеран наконец ушел в долгожданную отставку. Поселившись на даче в Подмосковье, ухаживал за садом, в сезон растил лук, огурцы, капусту...

Он никогда не был женат. При царизме не успел – воевал сначала в Корее, затем – в Первую мировую – в Малороссии и Польше. Во время Брусиловского прорыва угодил в так называемую Стоходскую мясорубку⁴, был тяжело ранен.

А когда выписался из госпиталя – очутился в другой стране, где вовсю бушевали революционные вихри. И понеслось! Революция, Гражданская, которую он провел в РККА, затем ВЧК – ОГПУ – НКВД. Одним словом, не жизнь – сплошная бойня!

Но и на пенсии ему не дают покоя. Не зря говорят, что чекистов бывших не бывает!

Каждый день приходят наследники боевой славы, спрашивают, интересуются, перенимают опыт. Недаром в своё время Игоря Семеновича дважды наградили знаком «Почётный работник ВЧК-ГПУ».

А сегодня его вызвал сам товарищ Ежов.

И предложил – нет – приказал сыграть роль деда какого-то непутёвого мальчишки. Деваться некуда, надо соглашаться. Впрочем, он и не собирался отказываться.

Просто поломался немного, чтобы набить себе цену. Пожить неопределенное время на берегу красавицы Волги за казённый счет – что может быть лучше в его положении?

Так холостой и бездетный Савченко стал дедом.

* * *

Роль Ванечки отвели одноименному детдомовцу. Немому. На всякий случай, чтобы не сболтнул лишнего.

Вялов сопровождал лже-Парфёновых до дома, в котором им теперь предстояло жить и выполнять секретное задание, а сам, не медля, вернулся в Калинин. До конца отпуска оставалась ещё целая неделя. Но стажёр Горшков, поймавший его вечером у дома любимой Катюши, передал настойчивую просьбу руководства: к девяти утра явиться в кабинет Никонова.

Пришлось повиноваться.

– Вызывали?

– Присядьте, товарищ лейтенант.

– Спасибо, я постою!

– Что это за кашу вы заварили?

– Какую кашу, Андрей Николаевич?

– Манную, мать твою ети! Что за фурор ты устроил на вокзале?

– Провожал племянника в Москву. А его выкрали уголовники. Я просто обязан был вмешаться!

– Племянника, говоришь?

– Так точно! Сына сестры Илюшу! – на ходу стал импровизировать Павел. Пока будут рассматривать эту версию, он успеет связаться с дядей или Ежовым. Неужели никто из них до сих пор не позвонил Никонову?

– Хорошо. Я проверю. Не дай бог, выяснится, что ты соврал... – пригрозил начальник. – Сгною!

В это время зазвонил прямой телефон.

Никонов схватил трубу и переменился в лице:

– Да! Слушаю! Так точно! Есть!

– Надеюсь, я свободен? – нагло поинтересовался Вялов, сразу догадавшийся, что звонил кто-то из его высоких покровителей.

– Да-да, Павел Агафонович. Простите, если что не так.

– Ничего. Бывает.

⁴ Стоход – река на Волыни, за которую во время Брусиловского прорыва велись самые кровопролитные бои.

- И помните, впредь вы всегда можете рассчитывать на моё содействие.
- Спасибо, Андрей Николаевич...

* * *

С тех пор Вялов стал тайным агентом НКВД. В секретно-политическом отделе УГБ он только числился. Ни на смотрах, ни на собраниях, ни на политзанятиях коллеги его больше не видели. Курсировал по маршруту Калинин – Весьегонск и придумывал всё новые и новые предсказания Ванечки, которые сразу же отправлял в Москву. Почтой, телеграфом, телефоном. Пускай перехватывают – на это он и рассчитывает!

А после первого мая вообще перестал появляться в областном центре. Занял соседний с Парфёновыми дом и наслаждался жизнью. Ежедневно ходил на рыбалку, солил вместе с Савченко рыбу, смолил лодку, плёл сети. Красота!

Только женской ласки и не хватает.

Ничего. Скоро лето. Приедет Катюша – тогда и оторвёмся на полную катушку...

Одно не давало ему покоя – предыдущее нападение на Ваню. Кто его затеял, с какой целью?

Чтобы выяснить это, старший лейтенант несколько раз ездил в Рыбинск, где отбывали наказание Чалый и его подельник – Фёдор Сизов. Ничего нового они не сообщили. Какой-то, со слов Чахлика, прибалтиец, обещал много денег за похищение Ванечки и даже заплатил аванс. Но сделка сорвалась. Из-за бдительности самого Вялова. Где искать щедрого заказчика, бандиты не ведают. В тот день он ждал их в определенное время возле продуктового магазина... «Покажете фото – мы его непременно опознаем», – предложил Сизов. Вот только где это фото раздобыть?

* * *

15 июня в Весьегонск прибыла Катюша. Ошалевший от радости Пашка полдня катал её на лодке по Мологе и Волге. А вечером устроил душевную беседу, плавно переходящую в допрос, санкционированный сверху.

– Сколько немцев сейчас проходят обучение в твоём училище?

– Пятнадцать, милый...

– Прошу, не называй меня так! – поморщился старший лейтенант, презиравший, как он говорил, «всякие нежности».

– А как? Павел Агафонович?

– Просто Паша.

– Хорошо, милый!

– Опять двадцать пять... Этот Отто, с которым встречался Дейч, сейчас в Твери, тьфу ты, в Калининне?

– Нет. Каникулы. Студенты разъехались по домам.

– Значит, Отто в Германии?

– По всей видимости.

– И когда он уехал?

– Вчера... Нет, позавчера.

– У тебя есть его фото?

– Нет. Нам запрещено снимать иностранцев.

– А если я разрешу?

– У меня нет фотоаппарата.

– Я подарю.

- Тогда другое дело.
- Скажи, хотя бы, как он выглядит?
- Высокий. Статный. Курчавый. Белобрысый. Хватит?
- Это совпадает с портретом, «написанным» Фёдором Сизовым...
- Кем-кем?
- Всё равно такого «художника» ты не знаешь!
- Обижаете, товарищ лейтенант... Серов...
- Сизов...
- Прости. Действительно – не знаю.
- Однако вернёмся к нашим баранам...
- Давай.
- Сколько говоришь у вас немцев?
- Пятнадцать.
- И все блондины?
- Нет – половина.
- А ты не можешь собрать их вместе – и щелкнуть? На память?
- Нет.
- А если я очень попрошу?
- Посмотрим. Все равно раньше первого сентября мы не договоримся.
- Понял...

Конечно, Пашка мог затребовать личные дела немцев в своей конторе, но что-то удержало его от такого опрометчивого шага. Слишком рьяно интересоваться иностранцами – небезопасно. Это «железное» правило он хорошо усвоил на примере своего начальника – Дейча. Хлопнут, как муху, и никакой особый статус не поможет!

* * *

Всё лето они провели вместе. Занимались спортом, плавали-купались, рыбачили, собирали грибы, начавшиеся необычно рано, читали книги, анализировали и обсуждали стихи любимых советских поэтов: Есенина, Блока, Маяковского...

Коммунизма призрак по Европе рыскал,
Уходил – и вновь маячил в отдалении.
По всему поэтому в глуши Симбирска
Родился обыкновенный мальчик – Ленин!

Катя считала эти строки чуть ли не наивысшим достижением гения социалистического реализма, а подозрительному Вялову казалось, что Владимир Владимирович злорадствует, насмехается над социалистической действительностью.

Ну что это такое, если не насмешка:

Единица – вздор, единица – ноль,
Один, даже если самый важный,
Не поднимет простое пятивершковое бревно,
Тем более дом пятиэтажный!

Зачем надо поднимать дом и ещё кичиться этим?

А вот стих, посвященный человеку и пароходу, оба восприняли на «ура».

Я недаром вздрогнул. Не загробный вздор,
В порт, горящий, как расплавленное лето,
Разворачивался и входил
Товарищ «Теодор Нетте»...

Но Пашка все равно недоумевал.
Как можно быть таким разным?
Беспощадным трибуном и в то же время чутким, ранимым человеком, верным другом,
каждая строчка которого дышит болью утраты?
Однако вслух он, конечно же, своих сомнений не высказал.
Система давно отучила его полностью доверять кому бы то ни было, даже любимой женщине!

* * *

В июле влюблённый по уши Пашка сделал невесте очередное предложение. Нарвал целую охапку дивных полевых цветов, плюхнулся на колени посреди безлюдного цветущего луга в пойме красавицы Мологи и торжественно произнес:

– Будьте моей, Екатерина Андреевна!

Она снова не ответила согласием – только развела длительную дискуссию о семье и браке.

С её слов выходило, что ставить штамп в паспорте вовсе не обязательно – главное, любить друг друга. «А рожать детей я пока не собираюсь, время, сам видишь, какое... Терпи... Может, всё еще уладится!»

Однако Вялов подозревал совершенно иную причину отказа. Родители Катюши, старорежимные профессора, переехавшие в Тверь из бушующего Петрограда сразу после пролетарской революции, не хотели видеть своим зятем чекиста, относились к нему если не враждебно, то, по крайней мере, настороженно. Даже после того, как год назад именно он, рискуя своей карьерой и даже жизнью, предупредил потенциальных тестя и тещу о грозящей им опасности и проинструктировал, как следует себя вести на допросе, пардон, «дружеской беседе», устроенной в стенах управления одним из заместителей Домбровского.

А насчёт времени – всё правильно.

Как прикажете себя вести, если классовые враги не унимаются, хотят вернуть старые порядки?

«Мы просто обязаны ответить террором на террор» – вспомнил он слова государственного обвинителя на одном из громких процессов.

* * *

Весной 1938 года Ежова назначили по совместительству еще и наркомом водного транспорта. Сведущие люди понимали: это первый шаг к опале. Второй кремлевские вожди приняли в середине августа, отрядив в первые заместители Ежова влиятельного Лаврентия Павловича Берия. Он же стал и начальником ГУГБ – Главного управления государственной безопасности, в котором служил Вялов.

На Пашке, продолжавшем выполнять особое задание, это никак не отразилось.

В последний день лета они с Катюшей, оставив «Ванечку» под присмотром всеягонских чекистов, вернулись в Калинин. Суженая осталась у родителей, в элитном доме в центре города, а Вялов был вынужден скучать в своей комнатухе, арендованной для сотрудников НКВД в общежитии вагоностроительного завода. Оставшись без присмотра, в первый же вечер он устроил дружескую попойку с соседями.

Крепкий, закалённый спортом организм, всё лето не принимавший алкоголя, дал сбой, и уже в девять вечера Павел завалился спать.

Утром свежий, хорошо выбритый, в начищенных до блеска сапогах и тщательно отутюженной униформе, от которой уже успел отвыкнуть, он прибыл в управление и, запершись в кабинете, начал в очередной раз изучать донесения своего друга – младшего лейтенанта Сокола, доставшиеся в наследство от Домбровского – Гуминского.

«Почти ежедневно с уст Ванечки слетают разные варианты выражения, имеющего приблизительно такой смысл: “Утопили в крови Россию, сволочи”... А в последнее время он всё чаще говорит о неминувости большой войны с Германией. “Немецкие танки под Москвой”, “Погибнут миллионы”, “Титлер капут” – это далеко не все его прогнозы...”

А вот еще. Очень знаменательное предсказание: «Палач покается!» Интересно, о ком это? О Ежове, Ста... Мать честная, какого же ты мнения о вождях, Паша? Не дай бог, кто-то прочитает твои мысли! Сгинешь в Гулаге!

* * *

С Катей договорились встретиться в обед. В городском саду, семь лет тому назад образованном на месте разрушенного Тверского кремля в результате слияния Дворцового, Губернаторского и Общественного садов.

Недолго прогулялись по берегу Волги, поели мороженого, поговорили.

Из разговора выяснилось, что курсант Клейст после каникул на занятия почему-то не явился. «Он заболел и остался в Берлине», – пояснил куратор группы Юрген фон Визе, дальние родственники которого с прошлого века жили в Поволжье и носили вполне русскую фамилию Фонвизины.

И тогда Вялов придумал, как ему казалось, гениальный ход... На самом же деле, подобную методику не раз использовали в своей работе еще сотрудники печально известной царской охранки...

Поздно вечером Катя пришла к «милому» в общежитие вагоностроителей, где её уже дожидался сержант Горшков, некогда закончивший художественную школу и за несколько месяцев стажировки в Управлении государственной безопасности нарисовавший карандашом значительную часть его сотрудников, кроме, естественно, особо секретных. Борис сразу приступил к работе, и буквально за четверть часа портрет Отто был готов. Высокий лоб, выющийся чубчик, огромные голубые глаза, узкие, плотно стиснутые губы, слегка искривлённые презрительной ухмылкой...

Уже на следующее утро Вялов отбыл с рисунком в Рыбинск. «Очень похож», – в один голос заверили Сизов и Чалый. Однако стопроцентной гарантии они, конечно же, дать не могли...

* * *

Итак, скорее всего, именно Отто из знаменитого рода Клейстов, многие представители которого стали видными немецкими военачальниками, организовал нападение на Ванечку. Ясно, что сам он на такой шаг вряд ли бы отважился.

Значит, на то была санкция его руководства.

Вопрос – в каком подразделении он служит? Ответ может быть только один – в военной разведке, абвере!

Операция закончилась полным провалом, и командование решило больше не рисковать своим агентом. Клейста отозвали из Советского Союза. Но еще не один германский курсант

военно-химического училища может выполнять разведывательную миссию. И Юродивый – наверняка не главная его цель. Хотя, кто знает?

Но как немцам стало известно о существовании юного прорицателя? Народная молва, предатель? Помнится, Вялов уже задавал себе подобный вопрос. Только ответа на него пока не получил...

Выполняя приказ наркома, Пашка в начале лета организовал в местной прессе публикацию целого ряда статей, в которых журналисты, ссылаясь на предоставленное Вяловым заключение столичных медиков, опровергали все слухи о выдающихся способностях Вёсёгонского пророка.

Как противник станет реагировать на такие сообщения?

Чекист мысленно поставил себя на его место и сделал вывод – не поверит ни слову! Напротив, еще больше удостоверится в гениальности мальчика, а значит, и в необходимости его нейтрализации.

Физически устранить пророка – не очень сложно, только кому от этого будет хуже? Сталину? Гораздо больше будет проку, если Ванечка начнет вещать из Берлина и предвидеть мировые события в свете, выгодном немецкой пропаганде!

А раз так, значит, нападение на его подопечного может повториться. Мудрое руководство такой ход событий предвидело и поставило на место пророка обычного мальчишку. Однако и его жизнью рисковать Вялов не имел права.

Поэтому он удвоил бдительность и с согласия дяди привлёк для постоянной работы Горшкова, наконец-то получившего своё первое воинское звание – сержант государственной безопасности.

Однако это обстоятельство имело не только плюсы, но и минусы, о которых Пашка не мог иметь представления: Борис оказался личным осведомителем начальника управления Николы. С этих пор Андрей Николаевич знал о Юродивом всё, кроме того, что роль пророка выполняет подставное лицо, немой детдомовец. А его предсказания – лишь фикция, плод Пашкиной фантазии.

Все остальные люди, в том числе и Горшков, вообще никогда не слышали от «Ванечки» ни слова.

* * *

Пользуясь ослаблением позиций Ежова, Лаврентий Павлович начал смещать его соратников с ключевых должностей. Одним из первых свой пост довелось оставить Никонову. Впрочем, если б только пост! 3 октября его арестовали и сразу приговорили к высшей мере наказания. Временно исполняющим обязанности начальника Управления НКВД по Калининской области стал Иван Давыдович Дергачёв, в своё время окончивший 3 класса... церковно-приходской школы и все те же курсы парторганизаторов; человек неглупый, но неопытный, не поднатеревший в аппаратных играх.

23 ноября 1938 года Ежов написал Сталину прошение об отставке, взяв на себя ответственность за все репрессии в стране. Палач покаялся?

Вождь отставку принял, назначив наркомом бывшего первого заместителя, давно готового к новой роли. И уже 5 декабря карающий меч революции со страшной силой опустился на голову бедняги Дергачёва. В тот же день бразды правления управлением перешли в руки ставленника Берии Дмитрия Степановича Токарева.

Тот, в отличие от предшественников, был в своем деле настоящим докой. Закончил Высшую пограничную школу НКВД, прошел огонь, воду и медные трубы в ВЧК и ГПУ, даже прожил полгода в Париже, играя роль экскурсовода на Всемирной выставке.

... Ближе к Новому году зашаталось кресло и под высокопоставленным родственником Вялова. Отношение областного руководства к «лейтенанту» с тех пор резко изменилось. Не в лучшую сторону. Его всё чаще стали привлекать ко всякого рода мероприятиям, не имеющим никакого отношения к ранее выполняемому заданию. Павел догадался: если он не выкинет прямо сейчас нечто неординарное – навсегда увязнет в рутине!

И он решил пойти ва-банк. Записаться на приём к наркому и убедить его в необходимости продолжения операции «Юродивый». Но тот опередил Вялова, и сам вызвал агента в Москву. Голос Токарева дрожал и срывался, когда он сообщал подчиненному новость о предстоящей командировке.

* * *

Пока отсутствовал его непосредственный начальник, Горшков, остановившийся в облюбованном Павлом соседнем доме, все время настойчиво пытался наладить контакт с «пророком», однако Савченко, памятуя о наставлениях Ежова и Вялова, этого допустить не мог. Будучи по характеру не только ответственным исполнителем, но и отзывчивым, добрым человеком, он не просто пытался чётко выполнять приказы руководства, но и рьяно берег от излишней эмоциональной нагрузки немого детдомовского мальчишку, которого полюбил всем сердцем.

«Закончится командировка – и усыновлю Ванечку» – мысленно дал сам себе слово старый чекист.

Однажды вечером Борис принял на грудь чуть больше обычного и начал с утроенной энергией интересоваться перспективами личной жизни.

– Ну, чего молчишь, как рыба? Говори! Выйдет за меня Полина или нет?

– Отстань от пацана! – грозно пробасил Игорь Семенович, уже уставший от настойчивости сержанта. – Сам знаешь: поездка в столицу отняла у него много сил; с тех пор у Ванечки практически пропал дар речи!

– Остынь, дед! Не то худо будет! – пригрозил Борис.

Лучше бы он этого не говорил!

С виду инфантильный и доброжелательный Савченко оказался одним из ведущих советских специалистов, принимавших активное участие в разработке нового вида «борьбы вольного стиля», развитию которой положил начало недавний приказ Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. В 1947 году её переименуют в самбо...

Разъярённый ветеран сгрёб Горшкова в охапку и бросил через себя. Да так, что тот, перелетев через половину избы, ударился спиной об печку и надолго потерял сознание.

С тех пор к Юродивому сержант больше никогда не приставал.

«Эти Парфёновы очень подозрительны, – написал он в рапорте своему куратору. – Вернувшись из Москвы, внук так и не произнёс ни слова. Дед вроде бы как местный, говор у него наш, тверской – это точно, только слова, которые он порой употребляет в своей речи – шибко умные, даже я их не знаю. Кроме того, старик в совершенстве владеет приемами какой-то диковинной борьбы. Со мной он управлялся в считанные мгновенья...»

Ознакомившись с донесением своего личного агента, Токарев понял, что ему лучше не совать нос в дела этой странной семейки и... лейтенанта Вялова. Если тот, конечно, вернётся живым из Белокаменной!

* * *

Несколько часов Пашка томился у двери приёмной нового наркома внутренних дел, пока его родственник, чудесным образом сохранивший свою должность (чему наверняка способ-

ствовала блестящая операция по нейтрализации руководителя Белого движения Евгения Карловича Миллера, в которой дядя принимал самое непосредственное участие; не так давно генерала похитили в Париже и вывезли в Москву, где теперь он дожидался решения суда), не скомандовал:

– Пора. Ни пуха ни пера тебе!

– К черту! – плюнул через плечо Вялов.

Лаврентий Павлович стоял спиной к нему у приоткрытого окна. Несмотря на холодную зиму, в кабинете было очень тепло, даже душно.

– Разрешите, товарищ народный комиссар?

– Да-да, входите, пожалуйста!

Широкая ваза, наполненная фруктами, откупоренная, но полная бутылка грузинского вина, рядом с которой лежит пачка дорогих американских сигарет...

Удивлению Пашки не было предела, ибо всем сотрудникам госбезопасности было хорошо известно, что Берия ведет здоровый образ жизни: не пьёт и не курит.

– Присаживайтесь, Павел Агафонович, – не оборачиваясь, вкрадчиво молвил Лаврентий Павлович. – Выпейте вина. Угоститесь сигаретой.

– Не употребляю! – еле произнёс Павел, у которого от волнения пересохло во рту.

– Похвально, похвально... Ну, как там наш Юродивый? Точнее, детдомовец, призванный играть его роль?

– Молчит как рыба! Это правильно, что пророка заменили немой мальчишкой.

– Значит, вы одобряете решения, принятые моим предшественником?

– По данному вопросу – да!

– А сами верите, что некоторые люди могут предсказывать будущее?

– Не знаю, – пожал плечами Вялов.

– А вы подумайте...

– Наверное, могут... В нашей области народ до сих пор обсуждает пророчества Ванечки, многие из которых уже сбылись.

– Выходит, он действительно умрёт в один день с товарищем Сталиным?

– Это известно только Господу Богу!

– Вы верующий?

– Никак нет! Атеист! Так... С языка сорвалось!

– Но если среди нас есть такие уникалы, как Ванечка, значит, Бог существует?

– Я не готов рассуждать на эту тему. Образование не позволяет! – в который раз использовал коронный приём Вялов.

– А вам интересно, какие предсказания он делает сейчас?

– Не буду юлить. Очень интересно.

– Так вот... Юродивый утверждает, что скоро начнется большая война. Между Россией и Германией.

– Странно. Пока у нас дружба-фройндшафт. Немцы постигают в СССР основы военного искусства, руководители разных отраслей нашей промышленности перенимают передовой опыт на ведущих предприятиях Германии. Хотя... Не скрою. В нападении на Ванечку, о котором вам известно, при желании можно усмотреть след абвера.

– Вы в этом уверены?

– На девяносто девять...

– А что надо для того, чтобы эта цифра достигла ста процентов?

– Свободный доступ к досье всех курсантов из Германии, обучающихся в нашем военномехическом училище.

– Ну, с этим проблем не будет. Я лично позабочусь о том, чтобы вам ничто не мешало продолжать работы в начатом направлении.

- Спасибо, товарищ народный комиссар. Разрешите идти?
- Идите, товарищ старший лейтенант! Да, кстати, я сегодня же отправлю в Калининское облуправление приказ о присвоении вам этого звания. А то как то некрасиво получается... Поздравляю! – Берия улыбнулся краешком рта и протянул ему потную ладонь.
- Служу Советскому Союзу! – рывкнул Вялов и крепко сжал её.
- Спортсмен? – иронично поинтересовался Лаврентий Павлович.
- Так точно. Мастер спорта по боксу. Чемпион «Динамо».
- Ну иди работай, чемпион!
- Есть!

* * *

Долго задерживаться в столице Вялов не собирался. Тем более что дядя то ли по указанию наркома, то ли по собственному усмотрению услужливо предложил племяннику воспользоваться служебной машиной для поездки домой.

Чтобы произвести впечатление на строптивую невесту, Пашка распорядился остановить автомобиль напротив парадного входа в училище, в котором преподавала его избранница и, выйдя на улицу, столкнулся лицом к лицу с Андреем Сергеевичем Дроздовым – отцом Катюши.

– Куда вы так спешите, Павел Агафонович? – спросил профессор, сразу признавший в молодом человеке ухажера своей дочери, хоть виделись до этого они всего лишь два раза – на демонстрациях, посвященных 20-й и 21-й годовщинам Октября. Впрочем, узнать Вялова было несложно – его сразу выдавал недюжинный – под метр девяносто – рост.

- К Екатерине Андреевне, – засмутился чекист.
- У нее сегодня выходной! – рассмеялся Дроздов. – Машину-то отпустите!
- Езжай! – махнул рукой Пашка.
- Катя с мамой пошли по магазинам – Новый год на носу. А у меня есть время – целый час до начала лекции. Так что, если не возражаете, могу организовать для вас ознакомительную экскурсию по нашему учебному заведению.

– С удовольствием.

Андрей Сергеевич провёл своего спутника через сквозной проход сначала на плац, по которому бегали молодые люди в защитных костюмах: бахилы, противогазы и всё такое прочее, затем – на спортплощадку, и остановился у входа в новое многоэтажное здание.

– Это лабораторный корпус. Здесь мы занимаемся научными изысканиями. Как вы, должно быть, знаете, СНК – Совет Народных Комиссаров – периодически принимает постановления о введении и отмене основных научных степеней и званий. Я уже и сам запутался, кто я? Доктор одних наук, кандидат других...

- А чем, простите, вы занимаетесь?
- Катюша вам ничего не говорила?
- Нет.
- Профильными темами. Защитой человеческого организма от химического воздействия.
- И что, есть будущее у химического оружия?
- Несомненно. Только не дай боже, если кто-то применит его в войне!
- Почему?
- Последствия будут ужасающими, – вздохнул профессор. – Вплоть до гибели всего живого на земле... Скажите, вы будете докладывать Катюше о нашей встрече? – он неожиданно сменил тему.
- Как вы сочтете нужным.

- Лучше не говорите ничего, ладно?
- Хорошо. Она, наверное, меня стесняется?
- Это почему же?
- Сирота я. Без роду, без племени.
- А что с родителями?
- Умерли!
- Своей смертью-с?
- Так точно!
- Как-то странно для нашего с вами времени.
- Их голод скосил... Один только мамкин брат в живых остался, да мы с сестрицей...
- Они в Калинин?
- Нина – здесь, а дядя – в Москве.
- Он, конечно же, большой начальник?
- А вы откуда знаете?
- Догадываюсь... Машина его?
- Так точно. Кроме того, я не очень силен в науках, Катюша меня тянет, тянет, а проку мало...
- И вы решили, что профессорской дочери не гоже путаться с малограмотным чекистом?
- Это она решила. Я только «за». Уже три раза предлагал выйти за меня замуж, а Катя – ни в какую...
- А других причин искать не пытались?
- Нет... Вы не думайте, я не тупица какой-нибудь... И всякую науку на лету хватаю. Просто времени на учёбу не остаётся. Но это ничего, правда же? И ещё можно всё исправить?
- Было бы желание!
- А вдруг она, того... профессии моей стесняется?
- Вряд ли. Стеснялась бы – не поехала б с вами в Весьегонск.
- Логично!
- Кстати, что за отпуск у вас такой – целых три месяца?
- Это не отпуск – командировка.
- Секретная?
- Ага...
- Но начальство не возражало против того, чтобы вы отправились на задание с моей дочерью?
- Нет. Напротив.
- А знаете, что, Павел... Можно вас так называть?
- Конечно!
- Приходите к нам тридцать первого декабря. Посидим, отпразднуем вместе Новый год... Расценивайте это как приглашение.
- Но чтобы воспользоваться им, мне придётся доложить Екатерине Андреевне о нашей встрече!
- Что ж, докладывайте, товарищ... – профессор уставился на его петлицы.
- Уже старший лейтенант, – широко улыбаясь, уточнил Вялов.

* * *

- Только, пожалуйста, будь вежливее, – в очередной раз предостерегла Катюша, когда они входили в первый подъезд элитной жилой пятиэтажки в центре города. – Второй этаж, квартира номер шесть.
- Ладно, постараюсь, – буркнул в ответ Вялов.

- В какой руке держать вилку, а в какой нож – помнишь?
- А как же.
- За столом не сморкаться, в носу не ковыряться.
- Есть!
- Про политику не говорить.
- Усвоил...
- Погода, здоровье, способности человека, литература – вот темы, в которых ты неплохо ориентируешься. Мама, как и я, обожает Маяковского, только своё мнение ей навязывать не обязательно.
- Разве у меня может быть своё мнение?
- Твоя трактовка его произведений слишком оригинальна, я бы сказала – фривольна!
- Чего-чего?
- Мягко говоря, она не совпадает с точкой зрения большинства исследователей творчества гениального советского поэта, к которым, в том числе, принадлежит и моя мама.
- Я иначе не умею. Что чувствую – то и говорю.
- А ты лучше помолчи, чтобы не выглядеть дураком в глазах образованных людей.
- Кто дурак? Вялов – дурак?
- Ну не кипятись ты так, милый... Я же хочу как лучше!
- Всё. Мы у них в гостях – первый и последний раз. Пусть ко мне ходят. Поняла?
- Куда, в общагу?
- Как только женюсь, руководство обещает отдельную квартиру.
- Вот и женись.
- Выходи за меня, Катя!
- Когда справишься и перестанешь быть тупым безмозглым солдафоном.
- Ладно, я постараюсь.
- Вот это слова настоящего мужчины. Жми на звонок. Хватит! Хватит!!!

* * *

Дверь открыла Софья Григорьевна.

«Нос крючком, глаза навывкат, смоляные, рано начавшие сесть, локоны волос – ни дать, ни взять – чистая жидовка! – мысленно заключил Пашка, глядя на её холеное, совсем не славянское лицо, порезанное глубокими морщинами. – А у них вопрос родства – того, определяется по материнской линии... Выходит, моя Катя тоже еврейка? И наших общих детей будут дразнить пархатыми? Ничего... Даже в жилах товарища Ленина, поговаривают, текла не только русская кровь!»

– Заходите, гости дорогие!

– Здравствуйте? Как поживаете? – помня о наставлениях любимой, с порога начал любезничать Вялов.

Хозяйка молчала.

– После визита к вашим коллегам по секретно-политическому отделу Софья Григорьевна не знает, как правильно отвечать на такой, вроде бы, совершенно невинный вопрос. Скажешь: «хорошо» – заинтересуется ОБХСС⁵, «плохо» – УГБ! – пояснил подоспевший Андрей Сергеевич.

⁵ 16 марта 1937 года приказом наркома внутренних дел СССР Ежова № 0018 в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР был сформирован отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (сокращённо ОБХСС ГУМ НКВД СССР).

– Это мы можем! – кисло улыбнулся Павел. – Поэтому один мой знакомый, когда его спрашивают о жизни, всегда отвечает коротко, одним словом: «Сокращается!»

Все рассмеялись.

– А ваш друг – философ! – с улыбкой констатировала Софья Григорьевна.

– Не друг он. Пока. Так, старший товарищ, – признался Вялов, вспоминая автора полюбившегося афоризма – отставного капитана Савченко, ныне выдающего себя за Глеба Парфёнова.

– Ну что, садимся сразу за стол или для начала ознакомьтесь с квартирой?

– А чего тянуть? – разошёлся гостеприимный хозяин. – Выпьем по пятьдесят – легче будет разговаривать...

– На меня лучше не рассчитывайте! – удивляясь самому себе, пролепетал старший лейтенант, мысленно поклявшийся бросить пить сразу после знакомства с Берией.

У Кати, давно добивавшейся от милого такого решительного шага, глаза полезли из орбит.

– Большой? – не поверил Дроздов.

– Спортсмен! – опроверг его сомнения Павел.

* * *

За минуту до Нового года, своевременность наступления которого гарантировал профессор Дроздов, чуть ли не ежесекундно сверявший время по своим сверхточным, как он неоднократно повторял, часам, Софья Григорьевна предложила мужу откупорить бутылку «Советского Шампанского». Точнее, «Абрау Дюрсо», из старых запасов. Тот переадресовал просьбу младшему по возрасту.

Раньше таким напитком Вялов никогда не увлекался, предпочитая, как всякий русский, «Московскую», по старинке называемую «белоголовкой». Но с заданием справился без видимых усилий. Ровно в двенадцать пробка вылетела из горлышка и устремилась по направлению к высокому номенклатурному потолку.

– С Новым годом, с новым счастьем!

– Ура!!!

Заиграл патефон.

Пашка обнял Катюшу за хрупкую талию и лихо закружил в модном вальсе – еще в училище он слыл одним из лучших танцоров. Рядом с ними неуклюже водил свою супругу Андрей Сергеевич.

– Стоп! Я так не играю! Давайте меняться партнёрами! – запротестовала та, когда Катя пошла ставить другую пластинку.

– Давайте! – с удовольствием согласилась дочь.

– Скажите, Павел, какую литературу вы предпочитаете? – оказавшись в крепких руках кандидата в зятя, забросила удочку Софья Григорьевна.

«Началось!»

– Ясно – советскую!

– Толстого, Горького, Островского?

– Нет. Я поэтов хороших уважаю.

– И кто из них, по вашему мнению, хороший?

– Есенин. Маяковский.

– Лёд и пламень. Тонкий лирик и трибун революции. Две противоположности в искусстве. Как-то неправильно одновременно почитать их обоих.

– Не такие они и разные, как кажется на первый взгляд.

– Ну-ка, ну-ка, это интересно...

– Владимир Владимирович точно такой же хулиган, как и Сергей Александрович. Похабник. Скандалист. Только скрывает это за маской патриота советской власти... На самом же деле он не воспекает, – издевается над нашей социалистической действительностью.

– Например?

Единица! —
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто её услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихий и тонкий,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.

– И что крамольного вы нашли в этих строчках?

– Ничего. Но я нутром чую неискренность, лицемерие, насмешку, фальшь... И когда речь идет о пятивершковом бревне, и когда о руке миллионопалой... Мне кажется, это – маска, истинное нутро поэта можно увидеть в совершенно других произведениях.

– И каких же?

– «Я лежу на чужой жене, одеяло прилипло к жопе. Кую кадры советской стране назло буржуазной Европе!» Вот здесь он настоящий! Простите...

– Да уж, – вдохнула Софья Григорьевна, никак не ожидавшая такого вольнодумства от сотрудника доблестных правоохранительных органов. – Но вы неверно продекламировали стих. В оригинале он звучит несколько иначе!

– Возможно. Ведь данного произведения ни в одной книге не найти! А люди, передавая из уст уста, непременно что-то выбросят, что-то добавят, исказят, так сказать, первоначальный оригинальный текст...

– Правильно так, – она ещё теснее прижалась к Павлу хрупким телом и до минимума «убавила звук»:

Лежу
на чужой
жене,
потолок
прилипает
к жопе,
но мы не ропщем —

делаем коммунистов,
назло
буржуазной
Европе!

- Продолжение знаете?
- Конечно.

Пусть член
Мой,
как мачта,
топорщится!
Мне все равно,
кто подо мной —
жена министра
или уборщица!

- Что же это вы так стыдливо: «член», Павел Агафонович? Владимир Владимирович употребил другое, более крепкое, но исконно русское, словцо!
- Я не сторонник мата. И ругаюсь только в исключительных случаях.
- Похвально. Однако литературные произведения следует цитировать предельно точно! Как говорится, слов из песни не выкинешь.
- Выходит, поэтам можно всё?
- Почти! Всё в нашей стране нельзя даже гениям и вождям.
- Это ваша личная точка зрения?
- Да. Сейчас я пытаюсь обосновать её научно и защитить докторскую диссертацию. Поэтому – признаюсь – мне ваша точка зрения очень импонирует!
- Спасибо. А Катя считает её ошибочной.
- Время покажет, кто из нас прав.
- Это точно!
- Как бы там ни было, ваша интерпретация имеет право на жизнь. Только вы о ней больше никому не распространяйтесь. Ладно?
- Как прикажете!

После столь любезного и, как оказалось, весьма квалифицированного обмена мнениями о творчестве величайшего пролетарского поэта, Софья Григорьевна прониклась к своему зятю настоящей симпатией и с тех пор больше никогда даже в мыслях не обзывала его малообразованным или тупым.

Так они стали единомышленниками, нет – близкими друзьями на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Как только его подчиненные устали отмечать новомодный советский праздник⁶, Токарев собрал в управлении весь личный состав. Впереди – Рождество, Василий, Крещение, сам Бог велел усилить бдительность!

Сразу после расширенного совещания, на котором начальство призывало «не допустить провокаций со стороны верующих граждан», Вялов по привычке заперся в персональном кабинете и принялся сочинять очередные предсказания Юродивого.

⁶ Советская власть официально разрешила праздновать Новый год лишь в декабре 1935 года.

Как вдруг в дверь постучали.

«Кого еще черти несут?» – с раздражением подумал старший лейтенант.

– Это я, Паша! – словно читая его мысли, подал голос неожиданный гость – начальник контрразведки капитан Крутов.

– А... Шура... Заходи. Как погулял?

– Успокойся! Какие гулянья? Работал, как проклятый. Между прочим – на тебя!

– Поясни!

– Накануне Нового года меня вызвал к себе Токарев и приказал в кратчайшие сроки ознакомить Ваше Высочество с досье на всех курсантов из Германии.

– Ну да, было дело, ставил я перед ним подобную задачу...

– Не наглей, Паша! Сам знаешь, у меня документы всегда в порядке. А в конце года, каюсь, запустил работу... Маленько. Пришлось срочно возобновлять базу данных... И были ведь – все пятнадцать были, а коснулось – одного не хватает!

– Позволь, я угадаю его фамилию.

– Не выйдет!

– На что спорим?

– На бутылку, нет, на ящик «белоголовки»!

– Согласен! Кто перебьёт?

– А зачем? Лишний рот – страшнее пистолета. Ты, надеюсь, мне доверяешь?

– На все сто.

– Я тебе тоже.

– Тогда дуй в магазин!

– Фамилию сначала назови.

– Клейст. Отто Клейст!

– Ну ты даёшь! – ничуть не огорчился проигрышу Крутов. – Похоже, у тебя тоже прорезались пророческие способности. Признайся, это от Юродивого?

– Откуда тебе известно о его существовании?

– Проснись, Вялов... О твоих функциях в управлении знает каждая собака! Скажу больше: многие тебе завидуют. Чёрной завистью. Говорят: Вялов спит, а служба идет. Причём – неплохо. Старлея за такой короткий срок у нас еще никто не получал!

– Спасибо за информацию, Александр Дмитриевич.

– Не за что! Ну, я полетел?

– Куда, сокол ты наш?

– В гастроном, Паша. Где присядем: у тебя или у меня?

– Не пью я, Шура. Слово дал!

– Кому?

– Партии и правительству.

– Это серьезно.

– Но с тобой – выпью. По пятьдесят. Поэтому ты ящик не бери, одной бутылки хватит.

– А...

– Остальное прощаю!

– Ну, спасибо! Ты настоящий друг!

* * *

Вялов пригубил стакан и отставил его в сторону. Крутов, напротив, выпил до дна и сразу налил себе еще.

– Не возражаешь, Паша?

– Нет.

- Что-то ты сегодня необычно щедрый.
- Надеюсь, ты отплатишь той же монетой...
- С этого места, пожалуйста, подробнее.
- Расскажи мне всё, что тебе известно про Отто Клейста.
- Родился в 1912-м в Лейпциге. Окончил местный университет. По специальности – историк.
- Чего тогда подался в химики?
- Это ты у него спроси... Член НСРПГ⁷ с 1933 года, то есть фактически с момента прихода Гитлера к власти. В Калинин приехал не как все – из Германии, а из советской Карелии...
- Интересно, что он там делал?
- А шут его знает. Нам об этом не докладывают. Я выпью, если ты не против...
- Пей. Только закуси! Вот тебе яблоко – сестрица к Новому году мне целый мешок припёрла.
- Ну, за дружбу! Эх, хороша зараза! Ты что, совсем пить не будешь?
- Нет. Давай дальше. Не томи душу!
- Есть у них в Третьем рейхе один выдающийся деятель – Генрих Гиммлер, между прочим рейхсфюрер СС.
- Слышал о таком.
- Кроме своей обычной работы, он, на общественных, так сказать, началах, возглавляет одну очень интересную научную организацию. «Аненербе» называется. То есть «Наследие предков», ежели по-нашему... Буквально вчера из Берлина пришло официальное сообщение о том, что всю эту шарашкину контору целиком и полностью включили в состав СС, шефом которого и является Гиммлер. Усёк?
- Так точно! Но какое отношение имеет к «Аненербе» Отто Клейст?
- Я выучил наизуток его автобиографию... Можно мне слегка отхлебнуть из твоего стаканчика? Дабы освежить память...
- Валяй!
- За тебя, Паша! Эх, мало взяли... Так на чем мы остановились?
- Ты хотел рассказать, какое отношение имеет к «Аненербе» Отто Клейст?
- Так вот... Боссы организации... Босс⁸ – это не то, что ты подумал, – «хозяин», «начальник» в переводе с английского... Чуть ли не ежегодно они снаряжали научные экспедиции в разные уголки земного шара: в Скандинавию, на Тибет, на Ближний Восток. Там же бывал и наш герой. Я сопоставил даты его командировок с официальными сроками экспедиций «Аненербе» – они совпали! Точь-в-точь!
- Что это означает?
- Клейст или участвовал в их мероприятиях как историк, или наблюдал, так сказать, со стороны за действиями научных сотрудников. И то и другое подразумевает его безусловное членство в СС, чего Отто, впрочем, никогда особо и не скрывал.
- Откуда ты всё это знаешь, Шура?
- Работа у меня такая...

* * *

Вернувшись в свой кабинет, старший лейтенант решил немедленно доложить дяде о сути предыдущего разговора с Крутовым. Телефонистка быстро соединила его с Москвой.

– Здравия желаю. Вялов!

⁷ НСРПГ – Национал-социалистическая рабочая партия Германии. В немецкой транскрипции – НСДАП.

⁸ На жаргоне аббревиатура БОСС в те годы означала «был осужден в Советском Союзе».

- А... Паша... С Новым годом!
- Взаимно! Как вы там?
- Да вроде налаживается... А у вас?
- Нормально. Нина всем привет передаёт.
- Спасибо! А Илья?
- Растёт! Такие фортели выкидывает – вы бы только видели!
- Понял... Я приеду. На день Советской Армии. Ты что-то хотел?
- Да. В прошлый раз я докладывал о том, что в порученном мне деле усматривается след абвера.
- Ну...
- Так вот. Скорее всего, нам противостоит не военная разведка, а СС. Подразделение «Аненербе». Слыхали о таком?
- А то как же... В структуре этой организации имеются отделы ботаники, астрономии, геологии, социологии и еще хрен знает каких наук, призванных подтвердить преимущества арийской расы. А также зондеркоманда. То ли «Аш», есть такая буква в латинском алфавите, восьмая, кажется, по счету, то ли «Икс» – мы ещё не разобрались. Кстати, её специалисты в 1937 году побывали в Карелии и на Кольском полуострове. И знаешь, что их там интересовало?
- Никак нет.
- Шаманы, ведьмы... Так что ничего странного в том, что Ванечка привлек их внимание, нет.
- Человек, которого я подозреваю, тоже прибыл в Калинин прямиком из Карелии.
- Значит, твои предположения верны. Кстати, руководит зондеркомандой мой давний знакомый. Доктор Рудольф Левин.
- Еврей?
- Еврей, как и его патрон, и в то же время оберштурмбаннфюрер СС, тыфу ты, чёрт, язык сломать можно! Было бы неплохо, если б ты смог внедриться в эту организацию и каким-то образом выманить её руководителей на нашу территорию. А мы поговорим с ними по душам.
- Я попробую...

* * *

«Итак, теперь уже очевидно, что похищение Ванечки организовал иностранец. Эка невидаль! Я подозревал об этом с тех пор, как только Сизов с Чалым сообщили, что аванс им выдал человек, разговаривавший с лёгким “прибалтийским” акцентом.

Иностранец не простой – агент загадочной организации “Аненербе”. Историк. Химик. Отто Клейст. Из знатного аристократического рода.

У Шуры было на него досье. Но оно вдруг куда-то исчезло. Капитану пришлось собирать заново все данные о курсанте. Слава богу, память у него на пять с плюсом.

Залезть в кабинет к Крутову могли только свои.

Значит, кто-то из контрразведчиков продался немцам?

Но зачем он умыкнул в общем-то непотребный документ? Который еще сто лет пылился бы в ящике рабочего стола, если б не понадобился мне?

Значит, кто-то подозревал, нет – знал наверняка, что я стану его искать! И теперь хочет пустить меня по ложному следу! Мол, был шпион да сгинул. А в это время его задание выполнить кто-то иной, еще не попадавший в поле зрения советской разведки.

Точно!

У Отто есть дублёр...

Вот почему засветившегося агента так быстро вывели из игры!»

Вялов разложил на столе листы с фотографиями. Фон Визе, Кляйн, Витке, Крюгер... Кто из них работает на зондеркоманду? Кто?

Стоп!

Шура что-то нес о былых визитах Клейста на Тибет и Ближний Восток... Может быть, его участь разделит еще кто-то?

«Фон Визе... Из немецких дворян. В зарубежных командировках не бывал. Кляйн, психолог по первому образованию. Запросто годится в кадры “Аненербе”. Уроженец Верхней Франконии (Бавария), женат, двое детей, 1936 и 1938 года рождения. Нет, некогда ему было мотаться по белу свету... Витке. Известная фамилия! Образование – семь классов. И всё... С таким в научной организации делать нечего. Крюгер. Вальдемар Вольфович. 1909 года рождения. Через месяц ему исполнится тридцать... Многовато для курсанта. Судя по визам в паспорте, с 1935 по 1936 год пребывал на территории Королевства Швеция. Стоп. Один из первых своих походов спецы “Наследия предков” совершили как раз на Скандинавский полуостров! Надо выяснить у дяди, в какой период времени это было!»

Ответ пришёл на следующий вечер.

«“Аненербе” снаряжала в Скандинавию две экспедиции под руководством Германа Вирта. В 1935 и 1936 гг.»

«Похоже, Крюгер тот, кого я искал!» – победно улыбнулся Вялов.

* * *

Занятия военных химиков возобновились только в середине января. Но Крюгер всё равно умудрился опоздать на две недели. Как выяснилось, у него оказалась уважительная причина: Вальдемар принимал участие в традиционном турнире по боксу, ежегодно проходившем на малой родине, и выиграл состязание.

«Теперь я знаю, где мы познакомимся, – подвел итог своим размышлениям Павел. – На ринге!»

Вскоре Токарев сделал руководству военного училища предложение, от которого нельзя было отказаться: провести открытый чемпионат по боксу, посвященный Дню Красной Армии и Флота...

Вялов убыл в Весьегонск и больше месяца неистово тренировался. Бегал кроссы, плавал в ледяной воде, по десять часов в сутки лупил изо всех сил спшитую Савченко грушу.

Игорь Семенович оказался весьма незаурядным специалистом, знавшим толк в восточных единоборствах. Уже через две недели Пашка мог, используя синтез боевых искусств, успешно применяемый его наставником, в считанные мгновенья уложить на пол любого соперника. Но бокс – это совсем другой вид спорта!

Савченко понимал: победить хорошо обученного и технически подготовленного соперника будет непросто, поэтому гонял своего подопечного до седьмого пота.

– Держи стойку! Руки... Руки не опускай... Бей... Да не так. Груша – не баба, чтобы ее гладить. Вот, смотри. Удар должен быть акцентированным, максимально точным... Р-раз! И всё. Повтори. Вот. Уже лучше! Ударил – и сразу ушёл в сторону. Туловищем, работай, туловищем! У тебя перед фрицем – несколько преимуществ. Главные из них – физическая сила – от природы, выносливость, умение держать удар. В обмен – не вступай, на серии – не размнивайся – только потратишь зря силы. По очкам его не переиграть. Уходи, уклоняйся, делай вид, что побаиваешься, и береги силы для решающего удара! А теперь – всё сначала. Ударил – отошел, уклонился – врезал... Весь раунд терпишь, а в конце – взрываешься, переходишь в яростную атаку. Если ты его не побьёшь – я лично тебе башку сверну!

* * *

Двадцатого февраля Пашка вернулся в Калинин и сразу же побежал на встречу с горячо любимой Катюшей. Та критически осмотрела исхудавшую фигуру своего избранника и громко рассмеялась:

- Тебя что, с довольствия сняли?
- Нет. Пытаюсь влезть в свою весовую категорию.
- Ах да... У нас в училище уже повесили афиши. Гвоздь программы! Вялов против Крюгера! Ты же два года не занимался спортом.
- Ничего. Я способный.
- Скромности тебе не занимать. Он же чемпион, Паша... Ты бы видел его рожу!
- Чем моя-то хуже?
- Не такая свирепая! У Крюгера даже имя соответствующее – Вальдемар.
- И что в нём угрожающего?
- Книжки читать надо. Вальдемары обычно очень подвижны и любят драться.
- А Павлы?
- Добрые, отзывчивые... Как ты.
- Добрый-то я, добрый... Но как врежу – мало не покажется!
- Ладно, уговорил. Мы будем за тебя болеть.
- Болеть не надо. Вы в меня просто верьте – и всё получится!

* * *

Физические данные противника Вялов выяснил еще до боя. Рост – 1 м 89 см, вес – 91 кг, – максимальный для тяжёлой весовой категории.

Летом Павел был грузнее, но сейчас весы под ним показали только 88 кг. При одинаковом росте – это очевидный плюс, легче передвигаться по рингу.

Гонг!

Крюгер не стал, как ожидалось, бросаться на противника очертя голову. Потихоньку нащупывал его слабости и уже тогда, прижимая соперника к канатам, хладнокровно наращивал своё преимущество. Особенно удавались ему боковые удары, свинги и хуки, против которых Павел долго не мог найти противоядия.

Зал возмущенно свистел.

И только члены дружного семейства Дроздовых, Андрей Сергеевич, Катя и Софья Григорьевна Лисицкая (таковой оказалась её девичья фамилия, на которую был выписан диплом и свидетельства о присвоении научных званий), сохраняли видимое спокойствие и сдержанный оптимизм.

Сил броситься в контратаку в конце первого раунда у Вялова не осталось. А после перерыва его дела пошли ещё хуже. Казалось, Вальдемар вот-вот просто вынесет с ринга неумелого русского бойца.

Во время очередной паузы Катя высказала вслух всё, что думает:

- Чего же ты ждешь? Бей, его, бей! Распустил слюни, как барышня, и бегаешь взад-вперед. От судьбы не убежишь! Где твой коронный прямой с правой, где?
- Скоро увидишь, если согласишься выйти за меня замуж! – прищурил и без того изрядно заплавывший глаз Вялов.
- За такого неудачника – никогда!
- А если я пошлю его в нокаут?
- Выйду!

– Честное слово?

– Да!

На третий раунд динамовец вышел, еле волооча ноги. Но его усталость была наигранной. Крюгер раскрылся и уже без всякой опаски наносил удар за ударом. В грудь, в голову...

– Я люблю тебя, Паша, – донеслось из зала ровно за минуту до окончания боя. И русский воскрес! Уклонившись от очередного крюка, врезал противнику по прессу. Потом еще раз. У немца от неожиданности сбилось дыхание. И тут его настиг мощнейший апперкот. Казалось, хруст лицевых костей был слышен далеко на улице...

Вальдемар упал, нет, рухнул на пол.

Судья начал отсчет.

Где там!

Очнулся боксер только тогда, когда подоспевшие медики поднесли к его носу ватку с нашатырным спиртом.

А Вялова подхватила толпа курсантов и на руках понесла прочь из зала. Еще целый месяц после этого он купался в лучах славы.

* * *

Свидетелем боя стал Пашкин дядя, сдержавший слово и приехавший на праздник в Калинин.

– Ловко ты его! – похвалил он, когда смог наконец добраться до счастливого победителя. – Молодец. У кого тренировался?

– У капитана Савченко.

– А это кто?

– Тот, кого оставили в Вёсегонске вместо старика Парфёнова.

– А... Вспомнил. Такого бойца, как он, во всём Союзе больше не найти. Старайся, перенимай науку – в жизни пригодится.

– Есть! – лихо козырнул Вялов, хоть без головного убора не имел на это право.

– Отставить, служака! – шутливо пожурил его дядя.

В тот же вечер они вместе, прихватив с собой Нину, пришли свататься к Дроздовым.

Катя ответила согласием.

Свадьбу решили сыграть в субботу 3 июня.

* * *

После боя поверженный немец сам стал искать встречи с побившим его «великолепным русским боксером». Катя не раз передавала суженому просьбы Вальдемара, но Павел не форсировал события, набивая себе цену.

Логика его действий была таковой.

Крюгер наверняка выяснил, что он – кадровый сотрудник НКВД и доложил об этом своему руководству, которое и санкционировало контакт. А раз так – пусть подсуетятся ребята!

Свиделись они только в среду восьмого марта. Тогда Женский день 8 Марта хоть и считался государственным праздником, еще не был отмечен в календаре красным цветом.

– Я требую реванша! – вместо приветствия на чисто русском произнес Крюгер и дружелюбно протянул руку.

– В любое удобное для вас время! – сразу же согласился Вялов, поверивший в собственные силы и с недавних пор отдающий спорту всё свободное время. Под пристальным вниманием Савченко.

– Может, по пятьдесят, за милых дам? – неожиданно предложил Вальдемар.

- Не употребляю!
- Странно. Я ещё не встречал абсолютных трезвенников среди русских людей.
- Значит, я буду первым.
- Ты тоже военный?
- Да. Старший лейтенант.
- Обер-лейтенант?
- Что-то вроде этого. А ты?

Крюгер замялся. Как будто такой невинный вопрос загнал его в тупик.

«В вермахте – одни звания, в СС – другие, у курсантов училищ – третьи, – догадался чекист. – Вот он, бедняга, и растерялся, не зная, что ответить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.